

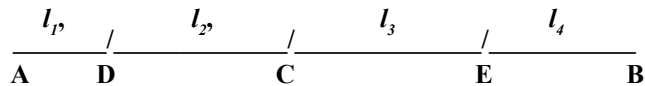
ПЛАТОНОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИСКУРСИВНОГО ЗНАНИЯ

В знаменитом символе линии из VI книги «Государства» (VI, 509d-511 e) Платон различает два вида знания об умопостигаемом: нефилософское, к которому он относит математические дисциплины, и философское, отождествляемое им с диалектикой. Первое, по его словам, «только грезит о бытии», второе же имеет дело непосредственно с идеями, а значит с вещами и истиной. Каждому виду знания Платон ставит в соответствие особую познавательную способность: занимаясь математическими науками, мы задействуем «рассудок» или «дискурс» (διάνοια), диалектика же пробуждает в нас «ум» (νοῦς). В этой статье мы будем говорить о природе дискурсивного, или рассудочного, знания. Мы определим его предмет и метод, установим онтологический статус его объектов, попытаемся ответить на вопрос, распространяется ли оно только на математические дисциплины или и на другие науки тоже, и, самое главное, постараемся выяснить, в чем дискурсивное знание уступает умному и почему, по мнению Платона, оно так же далеко отстоит от бытия, как сон от бодрствования.

Напомню вкратце содержание символа линии. Платон изображает область умопостигаемого и чувственно воспринимаемого в виде двух неравных отрезков линии, каждый из которых, в свою очередь, также делит на две части.

«Для сравнения возьми линию, поделенную на два неравных отрезка. Каждый такой отрезок, то есть область видимого и умопостигаемого, раздели опять в том же отношении, причем область видимого ты разделишь по признаку ясности и неясности...»

Каждый из полученных четырех отрезков (l_1 , l_2 , l_3 и l_4) изображает определенный вид сущего, отличающийся от других по признаку ясности и неясности, т. е. познаваемости и непознаваемости. В области чувственно воспринимаемого для познавательной способности наименее различимы «тени и отражения вещей в плотных и гладких предметах», которые Платон обозначает общим именем «подобия» (εἰκόνας) и помещает в отрезок l_1 . К отрезку l_2 относятся сами чувственно воспринимаемые вещи – «находящиеся вокруг нас живые существа, все виды растений, а также то, что изготавливается», поскольку они усматриваются душой более отчетливо.

Пусть линия AB делится точкой C на два неравных отрезка. Тогда отрезок AC будет обозначением области видимого, а CB – умопостигаемого. При помощи точки D отрезок AC делится таким образом, чтобы отношение AD к DC равнялось отношению AC к CB . То же самое проделывается и с отрезком CB при помощи точки E . В результате получаются четыре отрезка l_1 , l_2 , l_3 , l_4 , связанные друг с другом отношением пропорции: $l_1 : l_2 = l_1 + l_2 : l_3 + l_4 = l_3 : l_4$.

О том, какие предметы составляют содержание отрезков l_3 и l_4 , относящихся к области умопостигаемого, Платон прямо не говорит. Он прибегает к косвенному описанию, поясняя, как их познает душа. Первый раздел умопостигаемого (l_3), по его словам, душа отыскивает с помощью образов, относящихся к области видимого, исходя из предпосылок и идя в своем ис-

следовании не к началу, а к концу¹. Содержание же другого раздела (l_4) она исследует с помощью диалектической способности (*διαλέγεσθαι δύναμις*). Здесь душа также начинает свое рассуждение с предпосылок, но уже не принимает их за нечто очевидное; она расценивает их только как предположения и пытается от них прийти к «беспредпосылочному началу всего». При этом душа в своем исследовании больше не использует чувственные образы, как в предыдущем случае, но опирается исключительно на сами идеи.

Существо первого метода отыскания умопостигаемого Платон поясняет на примере математических наук. Геометры, пишет он, и люди, занимающиеся счетом, начинают изучение чисел и фигур, не спрашивая о том, что есть число и фигура, почему числа делятся на четные и нечетные и отчего существует только три вида углов (острые, тупые и прямые). Геометры предполагают все это как бы заранее известным и не требующим пояснения. Кладя в основу подобные постулаты, они идут от них к цели (концу) своего исследования, например, к решению задачи о квадратуре круга или к доказательству того, что сумма углов треугольника составляет два прямых. При этом они опираются на чертежи или даже на объемные тела, т. е. на предметы из области видимого (отрезки l_1 и l_2), хотя полученные ими выводы касаются не конкретного нарисованного треугольника или квадрата, а того, который усматривается умом. В отличие от диалектика, пытающегося увидеть сущность каждой вещи в свете первоначала и способного поэтому «дать отчет о ее бытии», математик не задается вопросом, что есть треугольник, квадрат или круг сами по себе, но принимает существование этих объектов как данность и исходит из заранее имеющихся определений. Как следствие, он видит умопостигаемое менее ясно, чем диалектик. По словам Платона, математикам «всего лишь снится бытие, а наяву им невозможно его увидеть»².

Закончив описывать содержание четырех отрезков линии, Платон ставит в соответствие каждому из них особое душевное состояние (511 е).

«С указанными четырьмя отрезками соотнеси мне те четыре состояния, которые возникают в душе: на высшей ступени ум (*νοῦς*), на второй – рассудок (*διάνοια*), третье место удели вере (*πίστις*), а последнее – уподоблению (*εἰκασία*)».

Далее я буду называть «рассудочным» или «дискурсивным» знание, которое душа получает при помощи рассудка³. Какие же предметы составляют его содержание и каков их онтологический статус? Платон часто говорит о них как об умопостигаемых⁴, но означает ли это, что предметом рассудка являются идеи? Этот вопрос вызывал и продолжает вызывать оживленные дискуссии в научной литературе. Одни ученые (И.Штенцель, И.Крэммер, К.Гайзер), основываясь на свидетельстве Аристотеля о промежуточном положении математических объектов в платоновской системе реальности, соотносят отрезок l_3 с числами и геометрическими фигурами. Другие (Г.Чернисс, Ф.Корнфорд, Д.Росс) отрицают, что два верхних раздела умопостигаемого соответствуют двум отличающимся друг от друга в онтологическом плане родам сущего и признают предметы рассудка идеями.

¹ Платон. Государство, VI, 510b.

² Платон. Государство, VI, 533с. См.: Платон. Собр. соч. Т. 3. С. 317.

³ Как отмечает, в частности, Л.Герсон, «слово *διάνοια*, по-видимому, подразумевает дискурсивность, так как приставка *δια* указывает на своего рода связь или отношение». См.: Gerson L. P. Ancient epistemology. Cambridge, 2009. P. 34.

⁴ Например, в Госуд. VI 510 с, где говорится, что геометры направляют свою мысль не на изображенные на чертеже фигуры, а на «четырёхугольник сам по себе» (*τοῦ τετραγώνου ἑαυτοῦ*).

По мнению Дэвида Росса⁵, содержание обоих верхних отрезков линии составляют идеи, за исключением того лишь, что к l_3 относятся идеи математических предметов (треугольника, круга, числа и т. д.), а к l_4 – все прочие. Разделение идей на две группы ученый объяснял различием в способе их познания. Так, идеи математических предметов невозможно постичь, не прибегая к наглядным пространственным построениям, идеи же справедливости, мужества, блага и красоты (Росс называл их «этическими идеями») не имеют чувственных подобий и требуют чисто диалектического рассмотрения. Несмотря на то, что разные способы познания соответствуют различным ментальным способностям (первый – рассудку, а второй – уму), и тот, и другой направлены на один и тот же объект – идеи. Полагая, что два высших отрезка линии изображают различные группы идей, Росс тем не менее вынужден был признать, что идеи математических предметов должны иметь более низкий онтологический статус по сравнению с этическими идеями, т. к. в противном случае остается непонятным, почему Платон называет отрезок l_3 низшим и менее ясным разделом умопостигаемого.

Похожей точки зрения придерживался и Фрэнсис Корнфорд. Он также считал, что оба раздела умопостигаемого содержат в себе идеи и что нет никаких оснований видеть в отрезке l_3 промежуточную сферу математических чисел и фигур⁶. Однако, в отличие от Росса, Корнфорд не причислял идеи математических предметов к низшему виду умопостигаемого и не считал рассудок единственным адекватным способом их познания. Он указывал на то место из «Государства», где утверждается, что предметы математических наук могут стать объектами ума ($\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$), если будут рассматриваться вместе с беспредпосылочным началом ($\nu\omicron\eta\tau\acute{o}\nu\ \delta\upsilon\tau\omega\nu\ \mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \acute{\alpha}\rho\chi\acute{\eta}\varsigma$)⁷. Таким образом, по мнению Корнфорда, отнесенность идей к тому или иному разделу умопостигаемого определяется не их собственной природой, а способом их постижения. В отрезок l_3 математические идеи попадают в том случае, если их начинают мыслить неадекватным образом – используя чувственные подобия и необоснованные предпосылки. Тогда они становятся объектами не ума, а другой, дианоэтической, способности, которая видит бытие менее ясно, чем ум.

Подход Корнфорда положил начало т. н. «интенциональному» толкованию символа линии, которое на сегодняшний день является едва ли не самым популярным. Согласно интенционалистам, различие объектов познания, символизируемое четырьмя отрезками, обусловлено различием познавательных способностей, так что определенный способ постижения реальности производит соответствующий модус ее существования, а тем самым – и соответствующий объект⁸. Если Корнфорд отрицал онтологическое различие только между объектами рассудочной и умной сферы, то наиболее радикальные из интенционалистов отрицают его даже между идеями и чувственными вещами. Так, согласно Гэйл Файн, у Платона нет теории двух независимо существующих друг от друга миров – идеального и чувственного: он учит об одном-единственном бытии, которое, в зависимости от способа его по-

⁵ Ross D. P. 63–64.

⁶ Cornford F.M. Mathematics and Dialectic in the *Republic* VI–VII. Part I // *Mind*. V. XLI. 1932. P. 37–52; p. 38: «I agree with critics who hold, that nothing here points to a class of mathematical numbers and figures intermediate between ideas and sensible things».

⁷ Платон. Государство, 511d.

⁸ См., например: Hahn R. A note on Plato's divided line // *Journal of History of Philosophy*. 1983. P. 234–237: “the mode of apprehending objects conditions the things apprehended”; “the mode of apprehension bring forth the object...”. Также см.: Smith N.D. Republic 476e–480a: Intentionality in Plato's epistemology? // *Philosophical Studies*. 30. 1976. P. 427–429.

стижения, усматривается то с большей, то с меньшей степенью ясности и предстает то в виде идей, то в виде чувственных вещей, то в виде их подобий⁹. В рамках такого подхода все отрезки линии оказываются равными по содержанию: все принадлежащее сфере идей (l_4) мыслится отраженным в l_3 , l_2 и l_1 . В результате в рассудочную сферу наряду с идеями математических предметов попадают и все остальные идеи, но только в своем рассудочном варианте, т. е. когда их рассматривают с помощью чувственных образов и исходя из предпосылок. Как пишет Файн, «хотя Платон и дает геометрическую иллюстрацию отрезка l_3 , этот отрезок не сводится к геометрии или даже вообще к математическим наукам; любое рассуждение, удовлетворяющее более общим правилам, относится к l_3 »¹⁰.

Но что же представляют собой отражения идей в рассудке? Как мы помним, Платон делит свою линию по принципу ясности и неясности, так чтобы получившиеся отрезки были связаны между собой пропорциональным отношением: $l_1 : l_2 = l_3 : l_4$. В результате отрезок l_4 оказывается аналогом l_2 , а l_3 – аналогом l_1 . Это означает, что по отношению к уму сфера рассудка занимает такое же положение, какое тени и отражения чувственно воспринимаемых вещей занимают по отношению к самим вещам. Этой аналогией Платон, по-видимому, хочет показать, что так же как зрение, когда оно смотрит на вещи в прямом солнечном свете, видит их самих, а когда отворачивается от Солнца и смотрит в «плотные и гладкие поверхности», то имеет дело с отражениями вещей, так и мысль, когда она рассматривает свой предмет в свете первоначала, то видит идеи, а когда отворачивается в противоположную сторону, то – отражения идей¹¹. Если, к примеру, мы пытаемся мыслить двойку, задаваясь вопросом о сущности числа и о том, что составляет основу самого нашего мышления о нем, то предмет нашего рассуждения составляет идея двойки. Если же мы исследуем свойства двойки, исходя из интуитивно ясного или заранее данного ее определения, то имеем дело уже с новым объектом – математической двойкой, представляющей собой отражение соответствующей идеи в рассудке. Главное отличие математического числа от его идеального прообраза состоит в том, что оно существует в виде множества абсолютно одинаковых экземпляров, в то время как каждая идея сама по себе только одна¹². Действительно, чтобы произвести простейшую операцию сложения ($2 + 2$), умножения (2×2) или возведения в квадрат (2^2), математику необходимо иметь по меньшей мере две двойки, которые будут во всем похожи друг на друга. И чтобы иметь возможность представить любое число в виде суммы единиц, он должен иметь в своем распоряжении бесконечное количество во всем тождественных между собой единиц. В «Филебе» и «Государстве» Платон говорит, что для людей, сведущих в арифметике, «между многими тысячами единиц не существует никакого различия» и любая единица рав-

⁹ *Fine G.* Knowledge and Belief in *Republic V–VII* // Plato on Knowledge and Forms. Selected Essays. Oxford, 2003. P. 99–107.

¹⁰ *Fine G.* Knowledge and Belief in *Republic V–VII*. P. 106.

¹¹ О том, что объектами отрезка l_3 являются отражения идей, писали *Cooper N.* The importance of *dianoia* in Plato's theory of Forms // *Classical Quarterly*. 16. 1966. P. 65–69; *Crombie I.M.* An Examination of Plato's Doctrines. V. II. P. 80–81; *Fine G.* Knowledge and Belief in *Republic V–VII*. P. 104–107; *Gerson Lloyd P.* Knowing Persons. A study in Plato. Oxford, 2003. P. 181–187.

¹² *Аристотель.* Метафизика, I, 6 987b: «Платон утверждал, что помимо чувственно воспринимаемого и эйдосов существуют как нечто промежуточные математические предметы, отличающиеся от чувственно воспринимаемых вещей тем, что они вечны и неподвижны, а от эйдосов – тем, что имеется много одинаковых таких предметов, в то время как каждый эйдос сам по себе только один...».

на любой другой¹³. При этом философ прежде всего имеет в виду отличие единиц, которыми оперируют математики, от единиц, которые большинство людей отождествляют с подлежащими счету осязаемыми и видимыми телами: «двумя лагерями или двумя быками»¹⁴. Последние не похожи друг на друга, поэтому задача арифметики, как понимает ее Платон, научить человека мысленно абстрагировать то общее, что усматривается между одинаковым количеством разных вещей, и таким образом достичь понимания истинной, т. е. умопостигаемой, природы числа. Однако если мы поспешим отождествить это абстрагированное от всего чувственного арифметическое число с самой по себе единицей, самой по себе двойкой, тройкой и т. д., т. е. с платоновской идеей числа, то упустим из виду, что математических чисел «много одинаковых»¹⁵, в то время как любая идея, включая и идею каждого числа, только одна. «Многим тысячам единиц» арифметики соответствует одна-единственная идея единицы, заключающая в себе то общее, что объединяет их всех. Поэтому переход от математического числа к идее числа представляет собой как бы следующий, более высокий уровень абстракции, ведущий уже не от чувственного к умопостигаемому, а от одного умопостигаемого содержания к другому.

Еще одним важным отличием математического числа от числа самого по себе является то, что число математическое может быть получено из предыдущего путем прибавления единицы. Как пишет Аристотель, «за одним следует два через прибавление к предыдущему одному другого одного, затем три через прибавление еще одного, и остальные числа таким же образом»¹⁶. Напротив, идея числа, хотя и предполагает нечто предыдущее и последующее, существует каждая сама по себе и не связана с соседними идеями через прибавление или отнятие единицы. В результате идеи чисел оказываются несопоставимы друг с другом, что лишает их возможности участвовать в каких-либо арифметических операциях: их нельзя складывать, делить, перемножать; ни одно из них не может быть представлено через другие: например, идея пятерки не равняется сумме идей двойки и тройки, идея тройки не есть сумма трех идей единицы и т. д. Об этом свойстве идей чисел Платон пишет в «Гиппии Большем» (300d–302b) и «Федоне» (101bc). По его словам, причиной появления двух вещей не может быть ни сложение единиц, ни разделение чего-то одного, потому что любая вещь становится той или иной благодаря причастности особой неделимой идее, представляющей собой некий новый смысл, принципиально несводимый к сумме смыслов исходных частей.

Итак, согласно интенционалистам, рассудочное рассмотрение идеальных чисел создает совершенно новые объекты – математические числа, представляющие собой тени и отражения их идеальных прообразов. Естественно предположить, что то же самое может произойти и с любой другой идеей, поскольку рассудок может мыслить не только числа и геометрические фигуры, но и идеи справедливости, красоты, блага и тому подобного. В итоге последние также могут найти свое отражение в отрезке l_3 , а следовательно, его содержание не будет исчерпываться одной лишь математикой. Из текста «Государства» (510c–511b) видно, что математика для Платона – всего лишь пример того, как действует рассудок; пример,

¹³ Платон. Филеб, 32e; Государство, VII 526a.

¹⁴ Платон. Филеб, 32e.

¹⁵ См. примеч. 12.

¹⁶ Аристотель. Метафизика, XIII, 6, 1080 a21.

с помощью которого он хочет пояснить трудно уловимое различие между двумя видами умопостигаемого. Как пишет американский исследователь Ллойд Герсон, «διόνοια, дискурсивный по природе модус мышления, характерен для всех нефилософских наук. И хотя примеры, соответствующие этому модусу в символе линии, исключительно математические, подобное использование предпосылок с целью получения выводов легко поддается обобщению...»¹⁷.

Действительно, в платоновских диалогах встречается множество примеров рассуждений, в которых можно узнать рассудочное рассмотрение идей. Как мы помним, такое рассмотрение должно удовлетворять трем условиям. (1) Оно должно использовать чувственные образы и подобия; (2) исходить из необоснованных и принимаемых за самоочевидные предпосылок, (3) двигаться не к началу, а к концу исследования. Что касается первого условия, то Платон часто использует чувственные образы и аналогии, чтобы пояснить нечто относительно самих идей. Так, в «Государстве» он сравнивает благо с солнцем, поскольку, по его словам, солнце является «порождением блага и более всего на него похожее»¹⁸. Одновременно он использует аналогию со зрением и светом для изображения мышления и истины. Чтобы продемонстрировать отношение между различными родами сущего, он прибегает к символам пещеры и линии. В другом месте он уподобляет справедливость телесному здоровью и, поясняя сущность демократии, сравнивает государство с кораблем¹⁹. Схожим образом действует он и в «Тимее», когда изображает движение ума в душе в виде двух кругов²⁰, а также в «Федре», уподобляя душу крылатой колеснице²¹. Можно припомнить и образ рождающегося от Пороса и Пеннии Эрота в «Пире»²², и еще множество других, позаимствованных из области чувственного, образов и аналогий.

Что же касается второго и третьего условий, то и здесь диалоги предоставляют нам массу примеров гипотетически и дедуктивно построенных рассуждений. В частности, в «Тимее» Платон говорит о возникновении космоса, исходя из трех постулатов (гипотез), которые никак им специально не обосновываются. Слушателям предлагается просто согласиться с тем, что (а) есть «вечно сущее и всегда тождественное» бытие и «всегда возникающее, но никогда не сущее» становление; (б) что «все возникающее возникает по какой-то причине» и (в) что **созданное по неизменному образцу всегда будет прекрасным, а созданное по возникшему и изменчивому – дурным**. Применяя эти три постулата к видимому космосу, Платон приходит к выводу, что космос возник и что у него есть Создатель, который творит мир по неизменному и вечному образцу. Как отмечали уже античные комментаторы, такой способ рассуждения очень похож на образ действия математиков. По словам Прокла, Платон «подобно геометрам принимает определения и постулаты, с помощью которых будет потом вести доказательство»²³. Точно так же Платон поступает и в «Федоне», когда доказывает бессмертие души, исходя из пред-

¹⁷ Gerson Lloyd P. *Knowing Persons. A study in Plato*. P. 182.

¹⁸ Платон. Государство, VI, 506d; 508a–509c.

¹⁹ Платон. Государство, VI, 488 a–e.

²⁰ Как доказывает К.Гайзер, изготовление и последующее деление смеси мировой души в «Тимее» математически представимо как появление, а потом деление на части некоей правильной плоской фигуры – предположительно, круга или квадрата. См.: Gaiser K. S. 52–54; 153–157.

²¹ Платон. Федр, 246b.

²² Платон. Пир, 203bc.

²³ Proclus. In *Platonis Timaeum commentaria* / ed. E. Diehl. Leipzig, 1903, V. I. 236, 10.

положения о существовании идей²⁴, и в первой части «Софиста», когда начинается поиск определения софиста с допущения, что тот является мудрецом и истинным знатоком своего дела²⁵.

В «Федоне», кроме того, Платон дает детальное описание гипотетического метода рассуждения. Устами Сократа он признается, что предпочитает рассматривать сущее не непосредственно – глазами или при помощи других органов чувств, а прибегая к «понятиям» или «речам» (εἰς τοῦς λόγους), которые, по его словам, сродни отражениям вещей. Так, исследующие солнечное затмение, чтобы не испортить глаза, смотрят не на само Солнце, а на его отражение в воде. Вот и я, поясняет Сократ, чтобы совершенно не ослепнуть душою, глядя непосредственно на бытие, решил рассматривать его отраженным в слове. Для этого сначала в качестве предпосылки (гипотезы) необходимо взять положение (λόγος), признаваемое самым надежным, после чего «все, что кажется согласующимся с ним, принимать за истинно сущее... а что нет – за неистинное»²⁶. Многие исследователи отмечали явную параллель между описанием гипотетического метода в «Федоне», где изучение бытия в речи и слове сравнивается с разглядыванием отражений, и символом линии, где объекты рассудка выступают как тени идей, а также мифом о пещере, в котором вышедшему на дневной свет узнику Сократ советует смотреть сначала «на тени и отражения в воде различных предметов, а уж потом – на сами вещи»²⁷. Если указанная параллель действительно имеет место, то можно предположить, что входящие в l_3 «тени и отражения» идей представляют собой λόγοι – речи, понятия, определения, т. е. отражения идей в слове. В пользу такого вывода говорит, например, следующее соображение. Мы показали выше, что отличие математического числа от идеального состоит в том, что первое может быть выражено через другие числа посредством операций сложения, вычитания, умножения, тогда как идея числа не сопоставима ни с чем и не может быть выражена через другие идеи, не утрачивая при этом своей самоидентичности. Тогда, если сопоставимость и выразимость одного мыслительного содержания через другое составляет главную отличительную особенность объектов рассудка, то «низшим разделом умопостигаемого» надо будет признать такое представление идей, при котором одна идея окажется выражена через другие, скажем, идея красоты – через идеи гармонии, соразмерности и пропорционального отношения частей к целому. Рассудок как бы переводит неделимый и самоидентичный смысл идеи во множество, истолковывая его через другие смыслы и тем самым разворачивая его в некую речь. Уникальный смысловой облик идеи он раскрывает через систему ее взаимоотношений с другими умопостигаемыми сущностями и таким образом превращает идею в логос. Поэтому если математическое число есть логос идеального, то логосом идеи справедливости будет определение или понятие справедливости, логосом идеи красоты – понятие красоты и т. п. Рассудок как бы объясняет идею и в результате заменяет ее понятием. Таким образом,

²⁴ Платон. Федон, 78cd.

²⁵ Платон. Софист, 221d.

²⁶ Платон. Федон, 100a 3–7.

²⁷ Платон. Государство, VII, 516a. Об этом см.: *Fine G. Knowledge and Belief in Republic V–VII*. P. 106, note 38: «The account of the hypothetical method in *Phaedo* 100ff... clearly recalls the account of l_3 ».

нижняя область умопостигаемого, изображенная на символе линии отрезком l_3 , оказывается сферой понятий (логосов), лишь незначительную часть которых составляют предметы математических наук²⁸.

Как показывает наблюдение над терминологией платоновского учения об идеях²⁹, не только термин $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$, но и $\acute{\iota}\delta\epsilon\acute{\alpha}$, и $\epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ часто используются Платоном в значении «общего понятия». По словам А.Ф.Лосева, среди широкого спектра значений «идеи» у Платона выделяется одно, которое можно было бы назвать «логико-семантическим». Эйдос и идея в этом значении выступают в роли классификационных единиц при логическом разделении целого – на части, рода – на виды³⁰. Наиболее очевидные примеры такого их использования – поиск определений софиста и политика в одноименных диалогах. Хотя Платон и называет результаты проводимой там диэрезы «эйдосами» и «идеями» (например, когда говорит о делении искусства «по эйдосам» или о возведении разделенных видов к «одной идее»), легко убедиться в том, что подразумевает он при этом не идеи в строгом (онтологическом) смысле слова, а родовидовые понятия. Действительно, перед началом дихотомического деления в «Софисте» Чужеземец формулирует свою задачу следующим образом: «прийти к согласию относительно вещи при помощи речей»³¹. Таким образом он заранее оговаривает, что в ходе рассуждения будет искать $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\nu$ софиста – не саму вещь (идею), а *речь о* ней, ее определение, ее истолкование через другие смыслы³². Как выяснится в дальнейшем (259 е4–6), именно в ре-

²⁸ Можно указать две причины, по которым Платон использует математику в качестве примера рассудочного рассмотрения идей. (1) Во-первых, учитывая, какую важную роль играют арифметика, геометрия, астрономия и музыка в системе воспитания философоправителей идеального государства и вообще в платоновской философии, можно предположить, что Платон считает математические дисциплины наилучшими представительницами дедуктивно-гипотетического способа рассуждения. В VII книге «Государства», рассуждая об образовании стражей, философ ставит математику выше всех остальных наук и искусств, говоря о ней как единственном виде знания, способном «увлечь душу от становления к бытию» (521d). Если грамматика, музыка, гимнастика и медицина направлены на возникающее и гибнущее и имеют отношение к человеческим мнениям и желаниям, то математические науки пытаются постичь «хоть что-то из бытия» (533c), исследуя вещи так, как они суть сами по себе. (2) Во-вторых, математика в определенном смысле распространяется на все прочие науки, поскольку занимается «тем общим, чем пользуются любое искусство, рассудок и знание», а именно – «числом и расчетом» (522c). Слово $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, переданное в русском переводе словом «расчет», имеет у Платона гораздо более широкое значение. Взглянув на контексты употребления этого термина в «Государстве», мы увидим, что $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, как правило, означает «способность рассуждать», противоположную ощущению и позволяющую душе разобраться в противоречивых чувственных данных. Или же оно может означать сам процесс рассуждения, в котором проявляет себя высшее разумное начало души ($\tau\omicron \lambda\omicron\gamma\iota\sigma\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$). Иначе говоря, $\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ – не какое-то случайное свойство, сообща присущее различным наукам и искусствам, но само существо такого способа познания. Поэтому если математика занимается расчетом и рассуждением по преимуществу, то это означает, что она в наибольшей степени воплощает в себе существо рассудочного рассмотрения идей. Возможно именно поэтому, когда Платон переносит рассмотрение идей в сферу рассудка, он очень часто обращается к помощи математических построений.

²⁹ Лосев А.Ф. Терминология учения Платона об идеях // Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М., 1930. С. 135–281 (переизд. 1993); Мочалова И.Н. Философия ранней Академии. С. 77–83.

³⁰ Мочалова И.Н. «Идея» // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 393.

³¹ Платон. Софист, 218c: $\text{περὶ τὸ πρᾶγμα αὐτὸ μᾶλλον διὰ λόγων συνωμολογήσθαι}$ и далее: $\text{ζητοῦντι καὶ ἐμφανίζοντι λόγῳ τί ποτ' ἔστιν}$ («...исследуя и обнаруживая в слове, что он такое есть»).

³² Платон неоднократно называет полученные определения софиста «логосами». См.: Софист, 223b 16.

чи (понимаемой или как внешне звучащая речь, или как внутренний разговор души с самой собой) идеи утрачивают свою атомарность и вступают в «переплетение» друг с другом; так что «не будь у нас речи, мы лишились бы и философии» (260a). Поэтому и проводимое Чужеземцем деление, и найденные определения софиста, объединяющие в себе сразу несколько идей (искусства, приобретения, подчинения, охоты, уподобления), оказываются целиком погружены в сферу «логоса». Если теперь задаться вопросом об онтологическом статусе этих определений и спросить: «где» в платоновском универсуме находится область мысли и речи, то очевидным ответом будет – в душе. Действительно, описывая в «Тимее» движение души внутри самой себя, Платон называет его «словом (логосом), беззвучно изрекаемым в самодвижном»³³. Оно возникает оттого, что находящаяся между бытием и становлением душа касается либо умопостижимых, либо чувственных предметов. Касаясь поочередно то тех, то других, она приходит в движение и выражает в «слове» то, чему данная вещь тождественна, и от чего отлична, «в каком отношении, где, как и когда каждое находится с каждым, как в становлении, так и в вечной тождественности». Иными словами, во внутреннем разговоре с самой собой душа осуществляет сплетение идей друг с другом, превращая их таким образом в λόγος – понятия.

Теперь мы можем ответить на вопрос, чем математика и вообще любое дискурсивное знание уступает диалектике и почему Платон относит предметы рассудка к низшему разделу умопостижимого, располагающемуся между истинным знанием и мнением. Как мы показали, рассудок оперирует отражениями идей в речи и слове, в то время как ум имеет дело с самими идеями. Но, по убеждению Платона, иметь дело с идеями не значит полностью отказаться от речи и слова, заменив их непосредственным созерцанием умопостижимой реальности. Ум может увидеть идеи только с помощью «диалектической способности», а значит, в процессе такого рассуждения-разговора, который в отличие от гипотетико-дедуктивного способа рассуждения постоянно обращается сам на себя и ставит под вопрос свои собственные основания. Задачу диалектики Платон видит том, чтобы получить «логос сущности» каждой отдельной вещи, т. е. не просто увидеть ее идею, но дать отчет, рассказать о ней:

«Разве не называешь ты диалектиком того, кто постигает *логос сущности* каждого? А о том, кто им не обладает, в той мере, в какой он не может дать *отчет* (*логос*) ни себе, ни другому, разве ты не скажешь, что он не понимает этого предмета?»³⁴

И в другом месте (VII, 532 a):

«Кто собирается рассуждать диалектически, тот, минуя ощущения, с помощью *логоса* устремляется к тому, что есть каждое»³⁵.

Задаваясь вопросом о бытии (сущности) каждой отдельной вещи, диалектик тем самым нацеливается на ее идею. Но постичь, усмотреть искомое он собирается с помощью логоса, т. е. в слове, речи, рассуждении. Для этого он должен, поставив под вопрос принимаемые на веру основания, сначала взойти от предпосылок к беспредпосылочному началу всего, а затем начать продвигаться от беспредпосылочного начала в обратном направлении, «придерживаясь всего, что с ним связано». Такое проведенное в поисках идеи

³³ Платон. Тимей, 37b. Пер. С.С.Аверинцева.

³⁴ Платон. Государство, VII, 534 b3: и далее: Ἦ καὶ διαλεκτικὸν καλεῖς τὸν λόγον ἐκάστου λαμβάνοντα τῆς οὐσίας; καὶ τὸν μὴ ἔχοντα, καθ' ὅσον ἂν μὴ ἔχη λόγον αὐτῷ τε καὶ ἄλλῳ δίδοναι, κατὰ τοσοῦτον νοῦν περὶ τοῦτου οὐ φῆσεις ἔχειν;

³⁵ Платон. Государство, VII, 532a: οὕτω καὶ ὅταν τις τῷ διαλέγεσθαι ἐπιχειρῆ ἄνευ πασῶν τῶν αἰσθήσεων διὰ τοῦ λόγου ἐπ' αὐτὸ ὃ ἔστιν ἕκαστον ὁρμᾶν.

рассуждение как раз и составит искомый отчет (логос) о ней. Как видим, диалектик тоже переводит идею в логос и этим отчасти напоминает дискурсивно рассуждающего математика. Так в «Пармениде», если брать каждую гипотезу в отдельности, рассуждение строится дедуктивным способом и исходит из принятых без какого-либо дальнейшего обоснования предпосылок, например: единое есть, единое не есть многое и т. д. Однако принципиальное отличие гипотез «Парменида» от «математического» способа рассмотрения состоит в том, что принимаемые в них в качестве исходного пункта предпосылки расцениваются не как самоочевидные начала, но именно как предпосылки, т. е. как допущения, которые еще только требуется проверить путем выведения из них следствий. Вот почему рассуждения «Парменида» представляют собой пример именно диалектического, т. е. собственно философского (умного), рассмотрения идей.

Другой пример диалектического рассуждения Платон дает нам в «Филебе»³⁶. Здесь усмотрение идеи достигается путем включения ее в систему других идей, которые как бы опосредуют переход от нее самой ко множеству ее чувственных проявлений. В самом деле, если мы попытаемся перейти к идее непосредственно от множества причастных ей единичных вещей, то получим предельно абстрактную пустую характеристику, по сути – общее имя, объединяющее под собой неупорядоченную стихию эмпирического. Такая идея будет начисто лишена какого бы то ни было мыслительного содержания и окажется совершенно неразличимой для ума, т. е. не будет *умопостигаемой* сущностью. Нахождение предельно абстрактного единства есть только первый шаг на пути к усмотрению идеи, первый шаг к тому, чтобы сделать ее действительно «видной» для ума. Чтобы по-настоящему раскрыть содержание идеи, Платон предлагает следующий метод. После того, как будет найдена первая идея *A*, необходимо выделить во множестве охватываемых ею вещей две, три или большее число более частных идей (B_1, B_2, B_3), которые будут подчинены первой. Затем с каждой из полученных таким образом новых идей нужно будет поступить таким же точно образом: искать, не распадается ли множество причастных ей вещей на какие-то новые единства. В результате между исходной идеей и бесконечным множеством ее чувственных подобий выстроится целая система подчиненных идей, общее количество которых будет выражаться определенным числом. Каждый элемент полученной системы при этом будет представлять собой определенную идею, поэтому вся система в целом может рассматриваться как чисто умозрительное раскрытие содержания исходной идеи *A*. Перечисляя идеи B_1, B_2, B_3 и т. д. в их связи друг с другом, мы как бы проговариваем, что именно подразумеваем под *A*. Наше видение, наше понимание того, что есть *A*, базируется теперь не на неопределенном множестве чувственных представлений, а на взаимоотношении идей, то есть на «логосе», в результате чего *A* действительно становится предметом мысли и умопостигаемой сущностью. Созерцаемая через систему идей, она перестает быть, с одной стороны, простым самотождественным единством, в котором невозможно ничего различить, а с другой – неким пустым именем, обозначающим неопределенное множество чувственных восприятий. Идея предстает теперь как смесь единства и множества, предела и беспредельного, то есть как число. Известно, что в своем «устном» учении Платон отождествлял идеи с числами. Ученые до сих пор спорят, в каком именно смысле он это делал, и какими числами, математическими или идеальными-

³⁶ Платон. Филеб, 16d–17a.

ми, он считал идеи. Возможно, «Филеб» подсказывает нам путь решения этого давнего спора. *Идея является числом, поскольку мыслится включенной и выраженной через систему других идей*³⁷.

Но разве такой способ рассмотрения идеи не нарушает ее самоотдельности? Разве, выражая идею через систему других идей, диалектик тем самым не заменяет ее понятием (логосом)? Чем же тогда его образ действий отличается от образа действия дискурсивного мыслящего математика? И почему Платон, признавая ум диалектика способным усматривать идеи, отказывает в этом рассудку, говоря, что тот только грезит о бытии? Дело в том, что погружая идею в стихию речи и слова, диалектик в отличие от математика никогда полностью не заменяет ее понятием (логосом). Идея остается для него тем предметом, *вокруг* которого строится его рассуждение и мысль, но который никогда *не совпадает* с самим рассуждением и мыслью³⁸. Диалектик расценивает используемые им понятия и определения только как предположения (гипотезы) о бытии вещи, которые еще только требуется проверить в ходе рассуждения. Такое умение удерживать в поле зрения само бытие, отделяя его от всякого мыслимого содержания и помня о его несводимости к понятию, Платон называет «умом». Рассудок же, наоборот, отождествляет вещь с понятием (λόγος) и направляет все свои усилия на то, чтобы исследовать имплицитно содержащиеся в нем свойства. Можно сказать, что если ум использует логос только как средство для рассмотрения идей, то рассудок принимает его за саму вещь, подлежащую изучению. Именно это неумение отличить бытие от его отражения в речи и слове делает знание рассудка менее ясным, чем знание ума, превращая исследуемые им предметы в «низший раздел» умопостигаемого. Само же усмотрение идеи в логосе и с помощью логоса одинаково присуще как уму, так и рассудку, составляя неотъемлемую черту любого человеческого познания. Можно ли схватить идеи более непосредственно в прямом интуитивном созерцании ума-нуса? ... Наверное именно так и созерцает их Бог, чья мысль составляет простое единство с бытием. Но недаром в «Филебе» Платон называет диалектическое рассуждение, умеющее сочетать единое с многим, «божественным даром», попавшим к людям «через некоего Прометея вместе с ярчайшим огнем»³⁹. Возможно, этим сравнением философ хочет показать, что наша, человеческая мысль довольствуется только малой искрой божественного огня и не может прикоснуться к вечному самоотдельному бытию иначе чем через логос, логику, слово.

³⁷ Более подробно об этом см.: *Месяц С. Учение Платона об идеях-числах // Космос и душа. Вып. 2. М., 2010. С 29–82.*

³⁸ Вот что говорит в связи с этим А.В.Ахутин: «Мы говорим: теория X (языка, электрона, истории), имея в виду что-то одно и себе тождественное, *предмет*, о котором речь, но имеем при этом многословный логос (книги, учебники), состоящий из связи множества других понятий (идей) и суждений. Вот эту-то структуру знания (парадоксальную) Платон, мне кажется, и анализирует в “Филебе”». (Из переписки).

³⁹ *Платон. Филеб, 16с 5–10.*